

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
--------	---

Часть первая

ПОБЕГ 9

Глава 1. Соледад, 1968	11
Глава 2. Девяносто дней свободы, 1965	23
Глава 3. Парни и огонь, 1965	43
Глава 4. Сан-Квентин, 1966	53
Глава 5. Помощь, 1968	71
Глава 6. Зип-а-ди-ду-да, 1968	91

Часть вторая

ПРАВИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ДЛЯ РАБОТЫ 97

Глава 7. Чистый, трезвый и испуганный, 1969	99
Глава 8. Знакомые лица, 1969	111
Глава 9. Старая ярость, 1972	127
Глава 10. Одна дома, 1975—76	141
Глава 11. Имя Трехо, 1975	147
Глава 12. Бог любит троицу, 1975	155
Глава 13. Тайное становится явным, 1978	161
Глава 14. Жизнь и смерть, 1981	169

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 15. Ссора с Гилбертом, 1982	175
Глава 16. Малыш Дэнни, 1983	179

Часть третья ЗАКЛЮЧЕННЫЙ № 185

Глава 17. Поезд-беглец, 1985	187
Глава 18. Прощай, другая жизнь, 1986	203
Глава 19. Первый класс, 1987	209
Глава 20. Партия пятерых, 1988	217
Глава 21. Американизируй меня, 1991	221
Глава 22. C550, 1992	235
Глава 23. Моя сумасшедшая жизнь, 1991	243
Глава 24. Правильное решение, 1991	251
Глава 25. Фиксер, 1995	255
Глава 26. Амазонка миссис Финли, 1996	265
Глава 27. Семейная жизнь, 1996	273
Глава 28. Взлеты и падения, 1997	283

Часть четвертая ОТ СЫНА 299

Глава 29. Мачете, 2010	301
Глава 30. Двойная жизнь, 2010	317
Глава 31. Переживать и молиться, 2013	329
Глава 32. Крестный отец, 2014	339
Глава 33. Тако от Трехо, 2015	347
Глава 34. От сына, 2018	357
Глава 35. День Дэнни Трехо Эпизод, 15 мая 2020 года	369
Заметки соавтора	375

ПРОЛОГ

Мэри Кармен вбежала в комнату с криком:

— Я нашла дохлую кошку!

Ее сестры-близняшки Коук и Тони, Салита и я помчались за ней на улицу. Все эти девочки были моими двоюродными сестрами. Мы жили в одной комнате в доме моей бабушки и всюду ходили вместе.

С самого детства я был частью банды, пусть она и состояла из пяти-шестилетних девчонок.

Рядом с мусоркой в высокой траве лежала мертвая кошка с набухшими сосками. Мэри Кармен не врала.

У входа на фабрику, работавшую неподалеку, курили несколько мужиков.

— Отойдите от нее, — крикнул один из них. — Ее задрала псина.

— Надо спасти ее котят, — ответила Салита. — Где они?

Мы облазили всю траву вдоль аллеи, но никаких котят так и не нашли.

Коук предложила похоронить кошку и устроить настоящую прощальную церемонию. Уже темнело, так что нам при-

ПРОЛОГ

шлось спешить. Мы нашли палку, перекатали кошку на кусок фанеры и отнесли ее к себе на задний двор.

Земля там оказалась куда тверже, чем мне казалось. Я устал как собака, пока копал могилу.

— Наверное, хватит.

Мы свалили кошку в ямку и засыпали ее землей. В этот момент на пороге показался мой отец.

— Какого хрена здесь происходит? Быстро в дом, молокососы, а не то надеру вам задницы.

— Тут кошка умерла! — крикнула Мэри Кармен, но мой отец уже ушел. Из дома выбежала наша собака Блэки и начала раскапывать свежую могилку.

— Нет, Блэки, фу! — крикнул я.

Мы посадили Блэки на поводок, Салита перекрестилась, и мы прочитали молитву.

Вечером в дом ввалился дядя Арт — в крови и порванной рубашке. Он рассказал своим братьям, что попал в потасовку в баре на улице Сан-Фернандо. Не медля ни минуты, они хватили биты, палки и выбежали на улицу.

Через час они вернулись, горлопаня о том, какую взбучку устроили обидчикам. Моя бабушка тут же собрала нас, детей, в кучу, поставила на колени в углу гостиной и сказала молиться. Краем глаза я наблюдал, как дедушка наворачивает круги по комнате, метелит кулаками воздух и орет, что мы, Трехо, настоящие мачо. Мои дяди смеялись, пили пиво и вспоминали подробности драки. Бабушка велела нам молиться громче.

Если бы в тот момент вы видели меня и моих кузин, молящихся второй раз за день, вы бы и не подумали, что в будущем каждый из нас окажется в тюрьме. Но все произошло именно так. Мы были Трехо, и такова была наша судьба.

Никто и представить не мог, что худший их худших (то есть я) в итоге выберется из-за решетки и не сдохнет в подворотне обдолбанным наркоманом и убийцей. Вместо этого в него будут стрелять, пырять ножом, отрубать голо-

ПРОЛОГ

ву, взрывать, вешать, давить лифтом и долбить о бильярдный стол, пока глаза не вывалятся наружу. Он станет самым убиваемым актером в истории Голливуда, не раз встретится с президентом, а граффити с его лицом будут украшать уличные стены в разных странах. Компании станут нанимать его в качестве своего представителя, потому что его будут любить, ему начнут доверять. А потом в Лос-Анджелесе организуют праздник в его честь.

Того Дэнни Трехо, которым я был до трезвости, кино и работы консультантом по зависимостям, не уважал никто. Никому бы и в голову не пришло изображать его портрет на стене. В то время я был мексиканцем, с которым не стоит связываться, если жизнь дорога.

Часть первая

ПОБЕГ

Глава 1

СОЛЕДАД

1968

Мне было херово. Во мне бурлили героин, пруну¹, барбитураты и виски.

Из десяти лет, к которым меня приговорили, я отсидел уже три, хотя мне казалось, что прошло не меньше двадцати.

Я всегда думал, что сдохну в тюрьме.

Шел 1968 год, я отбывал срок в государственной тюрьме «Соледад». Наступил праздник Синко де Майо². Для мексиканцев, *настоящих* мексиканцев, это не День независимости и не повод вспомнить поражение французов в битве при Пуэбло. Для нас Синко де Майо означает «готовь деньги для выплаты залога».

Я уже был за решеткой, так что на освобождение под залог даже не рассчитывал.

Мексиканцы готовились к праздничной тусовке неделями. Так как я управлял спортзалом недалеко от грузовых

¹ Пруно — тюремное вино

² Синко де Майо — национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбло 5 мая 1862 года

ПОБЕГ

доков, через мои руки проходила вся контрабанда: сигареты, спиды, героин, даже женские трусики и косметика (да, и такие любители находились). Я мог достать все что угодно — только заплати.

К празднику у меня была готова полная сумка героина и сотни таблеток. Я собрал их с заключенных — «колесами» в тюрьме отдавали карточные долги, обменивали их на контрабанду или защиту. Еще у меня было несколько пинт виски, пятьдесят граммов травки и пара бутылок пруну, которое мы сварили за несколько недель. Свой человек на кухне достал нам изюм, апельсины, сахар и дрожжи. Мы смешали все это в мусорных пакетах, крепко их завязали, завернули в футболки и спрятали в вентиляции. Когда вино забродило, мы процедили его через носки.

К празднику мы готовились с раннего утра и всю ночь. Когда я наконец-то добрался до койки, из динамика прорезался голос начальника. Он объявил, что сегодня состоится товарищеский бейсбольный матч между тюремной командой и юниорами из местного колледжа.

Пускать гражданских в калифорнийскую тюрьму на Синко де Майо — самая хреновая идея, которую можно придумать. К этому времени большинство эков уже успели надраться в хлам. К тому же матч на свежем воздухе означал усиление охраны.

После объявления нам приказали покинуть камеры и выметаться во двор. Я подставил лицо солнцу, закрыл глаза, и меня тут же затошнило. Пруно крепко давало по башке. Я кое-как поднялся на трибуну у третьей базы и устроился рядом с Рэем Пачеко и Генри Кихада — моими старыми корешами по колонии для несовершеннолетних. Рэй был крепким и спортивным мужиком. Мы знали друг друга лет с тринадцати, когда еще гоняли в уличный футбол, а потом

СОЛЕДАД

он вступил в банду «Белые щиты». Генри был высоким и тощим пацаном из Азусы¹.

Мы сидели рядом, наблюдая за разминкой команд. Игровое поле даже не огородили забором — от студентиков нас отделяла лишь пара метров вытоптанной земли. На третьей базе прямо перед нами стоял здоровый белый пацан, похожий на Микки Мэнтла², и чавкал жвачкой.

Ко мне повернулся Рэй:

— Блин, мужик, — застонал он. — Умираю, как хочу *чикле*³.

Жвачка в тюрьме была редкостью. Достать ее было не просто, а уж о сахарной подушечке, которую перемалывал студентик, и мечтать не приходилось.

— Хочу жвачку, — заканючил Рэй, словно младенец.

В «Соледад» его перевели из закрытой психушки «Атаскадеро»⁴. Рэй с особой жестокостью убил свою бывшую и ее нового парня. Не помню точно, что он сделал, но обычно о таких преступлениях пишут на первых газетных полосах под шокирующими заголовками. Для мексиканцев старой закалки, таких, как Рэй, понятия «бывшая девушка» просто не существует. Вступая в такие отношения, цыпочка навсегда становилась собственностью. Суд постановил, что на такое жестокое преступление способен только псих, так что Рэя признали виновным, но неадекватным. Его приговорили к семилетнему сроку лишения свободы и электрошоковой терапии.

Лечение не пошло ему на пользу.

¹ Азуза — город в округе Лос-Анджелес, штат Калифорния

² Микки Мэнтл — американский профессиональный бейсболист, полевой игрок и защитник первой базы «Нью-Йорк Янкиз»

³ Чикле — натуральная жевательная резинка

⁴ «Атаскадеро» — тюрьма строгого режима, где в основном содержатся душевнобольные преступники

ПОБЕГ

В тюрьме я иногда издевался над Рэем: подкрадывался к нему со спины и зудел на ухо, изображая электрошокер. Мне просто хотелось его подоставать. Обычно он не возражал, но в то утро четко дал понять, что нарываться не стоит.

Игра только началась, а я уже устал. От вина, травы, таблеток и виски меня конкретно развезло. Солнечные лучи, которыми я совсем недавно наслаждался, теперь словно выжигали мне мозг. Все вокруг были пьяны или под кайфом. Я чувствовал, как что-то назревает. Атмосфера накалялась, и вскоре я узнал знакомый запах насилия. Когда зэков захлестывает агрессия и страх, они начинают пахнуть по-другому. Остановить эти эмоции нереально, они пропитывают собой все вокруг.

Во втором иннинге¹ Рэй не выдержал и заорал студенту на третьей базе:

— Дай мне жвачку, хер белобрысый!

Пацан сделал вид, что ничего не услышал, и продолжил чавкать дальше, как ни в чем не бывало. *Чавк-чавк-чавк*. Со всем как корова.

— Ты слышал меня, сука?! Давай сюда жвачку!

Студент даже не повернулся к нему — стоял себе, играясь с перчаткой, и жевал. Но через какое-то время все же шепнул краем губ:

— Нам нельзя с вами говорить, мужики.

— Чего-чего?

— Нам запретили общаться с заключенными.

Чавк. Чавк.

С каждым движением его челюстей Рэй бесился все больше. В его мозгах словно что-то щелкнуло. Глаза закатились, он стал похож на белую акулу. Он скрипел зубами так, словно боролся с демонами. Рэй будто снова оказался в психушке,

¹ Иннинг — очередность подачи мяча в бейсболе, когда одна команда или игрок отбивает мяч

где его, замотанного в смирительную рубашку, с кожаным ремнем в зубах, четыре месяца били током.

— Да пошел ты, сука. Что, запаadlo разговаривать с отбросами?

— Нам запретили к вам подходить.

Я понимал, что Рэя бесполезно успокаивать, но все равно попытался привести его в чувство.

— Не связывайся ты с этим пацаном, землячок, он знает карате, — загараторил я. — Его снайпер охраняет.

Мне стоило бы быть поумнее. Говорить убийце на взводе, что ему нельзя с кем-то связываться, все равно что дать ему команду «фас».

Студент был напуган до усрачки. С каждым иннингом он отдалялся от своей третьей базы и в итоге оказался рядом со вторым бейсменом¹ в инфилде². Судя по их лицам, они оба мечтали как можно скорее оказаться подальше отсюда — где угодно, лишь бы не играть в бейсбол с кучей воров и убийц. Все, о чем их предупреждали перед посещением тюрьмы строгого режима, происходило на самом деле. От хладнокровных убийц их отделяло всего несколько метров.

Мне хотелось ссать, но я боялся оставлять Рэя одного. Я позвал его в туалет за компанию, но он отказался. В толчок я направился кривым походняком мужика, которому очень надо отлить, но бежать он уже не может. Стоя у писсуара, я материл самого себя за слабость мочевого пузыря, в котором точно было не меньше пяти литров мочи. У меня кружилась башка. С улицы доносились жуткие крики толпы. Атмосфера менялась, воздух был накален до предела.

Я вернулся во двор именно в тот момент, когда Рэй спрыгнул с трибуны и зарядил кулаком в лицо несчастного студен-

¹ Бейсмен — игрок обороняющейся команды, расположенный рядом с базой

² Инфилд — внутреннее поле бейсбольной площадки

ПОБЕГ

та. Тут-то бомба и взорвалась. То, что началось, я могу сравнить только со сценой из фильма «Омен», когда бабуины нападают на Дэмиена во время сафари, или с грызней приютских собак. Тысячи зверей начали драться за свою жизнь.

История моих отсидок берет начало в 1956 году. И с тех пор в тюрьму я попадал чаще, чем выходил оттуда. Все эти двенадцать лет я следовал правилам, которым меня научил дядя Гилберт. Впервые оказавшись в колонии для несовершеннолетних в Истлейке, я спросил себя: «Чему учил меня Гилберт?».

Во-первых, держаться поближе к мексиканцам. Во-вторых, найти трех или четырех землячков, которые прикроют мне спину. Гилберт развил во мне умения, о существовании которых я и не подозревал. Я научился засыпать, когда вокруг творилось полное безумие, и просыпаться как по команде, если кто-то хоть на секунду останавливался у дверей моей камеры. Если кто-то смотрел на меня дольше двух секунд, я рычал: «Какого хера тебе надо?». Этому меня тоже научил Гилберт. Хоть он и был старше всего на шесть лет, для меня он стал настоящим наставником.

Гилберт становился авторитетом в каждой тюрьме, куда попадал. Он научил меня договариваться, красть, унижать, замечать слабости, определять, когда стоит припугнуть, а когда — отнестись по-доброму. Он научил меня чмырить и никогда не сдаваться. Самое важное знание, которое я от него усвоил: победа — единственная цель в любой драке. Он упорно вбивал мне в голову, что честных стычек не бывает, и я хорошо это усвоил.

В десять лет я впервые попал в полицейский участок. А к двенадцати я уже стал завсегдатаем колоний для несовершеннолетних. Однажды как-то подрался с пацаном из школы, потому что он испачкал меня краской на уроке рисования. После этого мои родители отправили меня пожить к родственникам в Техас, чтобы я не попал за решетку.

К тому моменту я уже был неуправляемым. Моя ссылка в Техас продлилась недолго: хотя дом тети Маргарет и дяди Руди находился в глуши, в километрах от Сан-Антонио¹, я все равно умудрялся тусить в городе по ночам. Мои тетя и дядя были адекватными, верующими людьми, они быстро поняли, что не справятся со мной, поэтому отправили меня обратно в Лос-Анджелес.

Я не боялся ни ареста, ни тюрьмы, а когда молодой пацан теряет страх перед последствиями своих действий, то быстро становится потерянным для общества. В десятом классе меня перевели в старшую школу Северного Голливуда — пятую за тот год. Из четырех предыдущих меня турнули за драки. В последних трех я стал настоящей звездой, потому что был единственным мексиканцем. Я не только был латиносом, но еще и одевался круто. Тогда я носил желто-белые футболки, к которым подбирал жилетки в тон и плиссированные штаны цвета хаки. Мои «леваисы»² были украшены заклепками. Что и говорить, выглядел я круто и заметно выделялся на фоне остальных. В Северном Голливуде в меня влюбилась Барбара Д., смазливенькая итальянка, королева выпускного бала. Мне она тоже нравилась. Однажды она увидела меня сидящим на скамейке на школьном дворе, подбежала и взволнованно зашебетала:

— Тебе нельзя здесь сидеть, Дэнни, это скамейка *Кабальеро*.

«Ну и какого хера? — подумал я. — Они ее что, купили? Кто вообще такие эти *Кабальеро*, и почему у них испанская фамилия?»

Тут к нам подошли здоровый белый парень и пацан поменьше. Здоровяк явно страдал одышкой.

— Сам свалишь с места *Кабальеро* или тебя стащить?

¹ Сан-Антонио — второй по численности город Техаса и седьмой по США

² «Леваисы» — джинсы знаменитой марки Levi's